

Автор публикуемой ниже статьи анализирует основные барьеры (механизмы деконструкции - в его терминологии), тормозящие движение Российской Федерации в направлении общества знаний.

ОБЩЕСТВО ЗНАНИЙ: МЕХАНИЗМЫ ДЕКОНСТРУКЦИИ

А. О. Карпов

Наступающая фаза в истории цивилизации обусловлена проявившейся в последнее время особой экономической ролью знания. Однако устроенность бытия противоречит культурным традициям той социальной группы, стиль жизни которой исторически выработан в условиях научной среды. Её представители не находят достаточных социально-экономических опор в обществе и в его системе образования.

Для общества открытие нового знания и вовлечение его в социокультурный оборот - ещё не витальная ценность, а способность пополнять один из "оброков", истощающих его потенции к обретению культуры знания. Далее будут рассмотрены некоторые из действующих механизмов деконструкции общества знаний.

Когнитивная инфляция сферы производства знаний. Здесь особо важны два аспекта: это, во-первых, социоэкономические реалии, отрешающие учёных от производства знаний и рождаю-

щие реалии, которые могут быть пережиты только в формах радикального аскетизма внешнего бытия; а во-вторых, сведение на нет ценностей общества знаний теми, кто рассматривает материальные блага его создателей как средство титульного удовлетворения праздности.

О факторах, отрешающих молодых людей от занятия наукой, можно судить по результатам социологических опросов. В 2002 г. в 15 государствах Европейского союза, по сведениям Евробарометра, 49.6% респондентов подчеркнули уменьшающуюся привлекательность работы в научной области, 42.5% - бесперспективность карьеры и недостаток жалования [1]. Используя статистику отечественных исследований [2], можно сопоставить европейские данные с российскими. Молодые люди в нашей стране основным фактором невозможности работы в научных учреждениях указывают низкую заработную плату - 85%. Профессиональная невостребованность беспокоит 17% опрошенных, а ограниченные возможности карьерного роста - лишь 12%. Сравнивая приведённые данные с результатами опроса молодых российских учёных о факторах внешней миграции, следует отметить их сходство по главному параметру: уровень заработной платы выделили 89% респондентов, а различие мнений насчёт возможности карьерного роста - 39% (вместо 12% по "проблемному" опросу). Эта цифра достаточно близка к данным Евробарометра, полученным в "благополучном" зарубежье. Можно говорить и о сходстве мнений по поводу привлекательности работы в научной сфере; в российских опросах неудовлетворённость условиями труда в науке

КАРПОВ Александр Олегович – кандидат физико-математических наук, начальник Управления "Образование и научные молодёжные программы и проекты" Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.

выразили 21.5% респондентов, недостаточные возможности для реализации профессиональных знаний - 33%.

Как это ни странно, но в России в сферу производства знаний в основном стремятся малообразованные люди; однако и профессиональное образование, и наука лишены того уровня социальных предпочтений, которые способны обеспечить молодым людям необходимые условия для занятий наукой. В этом - движущая сила механизма инфляции сферы производства знаний.

В Новосибирском научном центре по опросам молодых учёных 28% мужчин и 45% женщин отметили, что даже покупка еды и одежды вызывает затруднение, невзирая на наличие у большинства респондентов дополнительного заработка [3]. Социологические исследования среди молодых учёных в московском регионе показали, что "три четверти опрошенных оценивают уровень своих доходов как низкий и лишь один процент - как высокий" [2]. В Московском университете "треть студентов работают, потому что родители не могут обеспечить их всем необходимым... 11% учащихся университета признались, что вынуждены экономить на питании" [4]. В Государственном докладе о положении молодёжи в России Министерства образования РФ за 2002 г. приведены сведения о 25 из 89 субъектов Российской Федерации, где действуют программы поддержки молодых семей в строительстве или приобретении жилья [5]. Однако в 2004 г. в Новосибирском научном центре, например, "невыносимыми жилищными условиями признали 31% молодых учёных" [3], в московском регионе отсутствием жилья страдают 36% молодых специалистов [2]. Одним из факторов, "выталкивающих" молодёжь из научной деятельности, указывается "равнодушные власти к науке" [6]. Улучшение жилищных условий необходимо 60% опрошенных, 33% нуждаются в более широких возможностях для реализации профессиональных знаний [2]. Социокультурная составляющая жизни молодых учёных в российском обществе не даёт оснований для радужных прогнозов относительно роста экономики знаний; конечно, можно рассчитывать на энтузиазм, но следует иметь в виду, что 20% молодых учёных испытывают "угнетающее чувство ненужности того, чем они занимаются" [6].

Второй аспект в значительной степени латентный и поэтому привлекающий меньше внимания, но по силе своего негативного воздействия не уступающий первому. Это функционирование слоя *статусных имитаторов*. Их социальная диспозиция поддерживается иерархией, установленной в профессиональных сообществах создателей "знаниевого" капитала. Носители экономического и политического господства стремятся получить научный статус. Именно знание в сего-

дняшнем обществе выступает как новый капитал; в силу чего имущественное право на него фиксируют в его "ценных бумагах" алчущие псевдособственники. Место же эксплуатируемого занимают индивиды, производящие знание. В этом и состоит особый порядок ценностной нагруженности сфер производства знания и образования в сравнении с другими областями человеческой деятельности, поскольку через них сегодня выражены основные жизненные притязания индивида и общества.

Захват когнитивного статуса - дисфункция ролевого статуса в обществе знаний. Такая дисфункция фабрикует суррогаты экономической действительности знания и имитирует управленческую компетентность, запуская тем самым механизмы социального онкогенеза. Демократические процедуры, действующие в науке, дисквалифицируют истинных носителей знаний. По мнению ректора Петербургского госуниверситета Л. Вербицкой, высказанному на заседании Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию, в наши дни "очень далеко зашла либерализация требований к качеству на всех уровнях - от оценки в студенческой зачётке до присуждения учёных степеней" [7]. Таким образом, естественные ценности становящегося общественного уклада постепенно замещаются интересами, обусловленными жадной господства и наживы.

Захват когнитивного статуса, идущий в основных узлах структуры производства знаний, ведёт не только к её функциональному разрушению, но и к глобальной ревизии ценностей и культурных механизмов. Опасения в развитии столь неблагоприятного сценария, подчёркивает маргинальная доминанта в культурах экономического богатства и политической власти, следствием которой являются весьма сдержанные оценки способностей социально господствующих групп оперировать знанием. Чаще всего приписываемая им культурная позиция - это "хитрые дельцы", обладающие одномерной ментальностью, нацеленной на изъятие богатств у общества, причём, как правило, способами, выносимыми общественным сознанием за пределы морально дозволенного. Г. Ковалёва, руководитель центра оценки качества образования Российской академии образования, считает, что "дети элиты относятся к группе риска. У них нет понимания реальности, потому что они с детства не общаются с людьми из других социальных слоев" [8]. Симптомом того, что в современном обществе такая оценка становится устойчивой, являются 4.5% родителей учеников московских школ, которые ни за что не отдали бы ребёнка в школу, где учатся дети очень богатых родителей, при этом "каждый третий родитель боится, что его ребёнок будет учиться с детьми другого социального статуса", - резуль-

тат, который дал опрос компании Begin Group [9]. Мощная поддержка родственников обеспечивает выпускникам элитных школ привилегированные позиции в обществе. Однако личные способности, развиваемые в элитных учебных заведениях, и уровень знаний, полученный в них, питают опасения, что такого рода спонсируемая мобильность становится ведущим фактором. Вот свидетельство специалиста: «Я встречалась с директорами элитных школ, они говорили: "Мы понимаем, что надо дать ученикам хороший уровень подготовки, но есть дети с ослабленным здоровьем, нестабильной психикой. Им надо просто создать комфортные условия для обучения". Родители в таком случае требуют обеспечить средний уровень в освоении учебного материала... А в социальном плане набирать детей в элитных школах - это очень опасная тенденция. Многие страны отходят от этого. Например, Англия позволяет себе иметь ограниченное число элитных школ. А в Скандинавии вообще предпочли от них отказаться» [9].

Из элитных школ - прямая дорога в элитные вузы. С. Шишкин, сотрудник независимого института социальной политики, полагает, что "элитное [высшее образование] удаётся получить только при наличии социального капитала, формирование которого зависит от доходов и места проживания. От способностей, естественно, тоже. Но в меньшей степени. Ибо социальный капитал - прежде всего связи родителя с ней... При опросе молодёжи ... выясняется, что при поступлении только на знания будут опираться 38% абитуриентов, на знания плюс деньги или связи - больше 50%, 10% считают, что поступят благодаря связям и деньгам вне зависимости от уровня своих знаний" [10].

Такая социальная ситуация делает проблематичным использование слова "элита" в контекстах, раскрывающих позиции господства в современном обществе. В этом же свете ужасает сопоставление депривации действительных акторов в системе производства знаний с эффективностью действующих механизмов необоснованного овладения когнитивным статусом в системе этого производства. Определение ситуации как ужасающей не покажется чрезмерным, если иметь в виду прогноз Британского совета по динамике изменения профессиональных интересов студентов. Согласно источнику, в ближайшее время «самым популярным станет направление "высокие технологии". Здесь доля студентов будет расти с более высокой скоростью - 8% в год» [11].

Тема табуирования когнитивного разнообразия рассматривается под углом зрения становления личности, в процессе которого происходит подавление когнитивной индивидуальности, в частности силами существующей образовательной системы. У личности программируется опреде-

лённый ментальный механизм, ведущий к упадку интеллектуальных способностей до того уровня, который требует культура знаний. Таким образом, в психических структурах индивида устанавливается запрет на овладение знаниями и навыками, выходящими за пределы узко унифицированной матрицы "одобренного" и стандартизированного познавательского поведения. Тем самым тормозится не только процесс получения знания, но и уменьшается творческий потенциал общества.

С позиции С. Кьеркегора, "у каждого поколения - своя собственная задача, и ему не нужно предпринимать сверхъестественные усилия, чтобы пытаться быть всем для предшествующего или последующего поколений" [12]. Психосоциальная доминанта сегодняшней жизни - это отношение к общественному и индивидуальному бытию как к промежуточному состоянию растительного цикла, то есть, с одной стороны, уподобляющемуся некоему агрономическому веществу, повышающему урожайность последующей чужой жизни, а с другой стороны, произрастающему исключительно на почвах, возделанных предыдущими поколениями. Комплекс "вассального свидетеля" собственной жизни действует так, что истинность индивидуального существования отодвигается на неопределённое время.

Скрытая программа, которую воспроизводит комплекс "вассального свидетеля", - способ ментального кодирования в учениках ценностей, позиций и знаний, которые оснащают его формами социального приспособления и заставляют от него проблему выбора самого себя в этическом плане. Эта программа реализуется посредством организации и процессов обучения в действующей школе. Ученики не участвуют в создании нового знания, а получают его в готовых информационных формах, вследствие чего опыт такого поведения "не только развивает склонность говорить как бы в расчёте на других - он меняет в том же направлении способность судить и оценивать" [13]. Следовательно, действующая школа воспитывает своих учеников в духе известной концепции приспособления - строить своё поведение в соответствии с ожиданиями других, создавая особую генерацию социальных подражателей, добровольно принимающих фенотипические характеристики властвующего образца. От этой имплантированной в геном нашего общества социальной мимикрии люди не приспособлены к выполнению своих обязанностей, положенных занимаемым ролевым статусом, отсюда проистекает их шокирующее стремление к обладанию статусными ролями, невзирая на уровень собственной компетентности. Социологический мониторинг, проведённый Институтом комплексных социальных исследований РАН в сотрудничестве с фондом им. Ф. Эрберга, показал, что "чувство гордости за систему образования ... как и в 1998 г., так и в 2000-м, испытывает

только каждый четвёртый-пятый россиянин" [14]. В противовес педагогике фактов, педагогика наступающего времени делает акцент на образовательной силе поисковых методов познания, создающих контекстный опыт и индивидуальную ответственность, воспитывающих то, что М. Шеллер понимал как ценностное чувство человека, «который стремится "приобрести" и "иметь" нечто большее, чем у других» [13]. Моральный канон новой педагогики - в выборе своего призвания, в поиске самого себя.

Две рассмотренные выше темы характеризуют ментальные механизмы, рождающие ту духовную "суженность" нашего общества, которая противостоит его движению в сторону культуры знаний. Эта "суженность" ухудшает интеллектуальную работу деятелей науки и образования.

Темой, способной до некоторой степени прояснить механизмы "физической" депрессии нашего общества, представляется "технологическая изоляция экономики знаний", разрушающая способности к материализации и мобильности созданного интеллектуального продукта.

Неразвитый экономический спрос на интеллектуальный продукт, одобренный обществом к производству. По сведениям, которые приводил в 2002 г. академик Д.С. Львов, доля производимой в России наукоёмкой продукции составляла 0.4% от общемирового объёма, в США же выпускалось 40%; в начале 1990-х гг. эти цифры соответственно составляли 7.5-8 и 30% [15]. В 2005 г. ситуация мало изменилась; источником отмечается, что "доля России на мировом рынке наукоёмкой продукции составляет всего 0.3%-0.5%, в то время как доля США - 36%, Японии - 30%, Германии - 17%" [16]. Главная причина падения вклада научно-технической продукции в экономический рост с 70-80% в предшествовавший 1990 г. период до 5-10% сегодня, по мнению члена-корреспондента РАН СЮ. Глазьева, - «краткосрочная мотивация субъектов хаотичного рынка, которые не настроены вкладывать деньги на 5-10 лет в разработку новых технологий, стараясь быстро "снять сливки" с того, что есть» [15].

По мнению В. Лапоты, инновации - "это процесс материализации добытых знаний" [17]. Однако эта материализация не может осуществляться по собственной прихоти; и кажется порой, что производители знаний и власть говорят на разных языках.

Власть декларирует необходимость качественного перехода от "рентной экономики" к "экономике инновационной", необходимость создания не только "инновационных поясов", но и "инновационных цепочек", а академический институт должен заниматься разработкой нового научного продукта и его внедрением [18]. Однако достаточно очевидно, что даже созданные объекты мате-

риализованного знания будут не нужны из-за отсутствия инвестиций в критические точки промышленного роста, то есть просто-напросто из-за отсутствия новых и оснащённых предприятий, образующих технологические циклы, способные в расширенных формах потреблять новые знания и специалистов, способных их производить.

Директор Института проблем электрофизики РАН академик Ф.Г. Рутберг, высветил один из механизмов, питающих технологическое лицемерие нашего общества, когда говорил, что "наши установки поступают в США, а российские чиновники закупают морально устаревшее оборудование на Западе - им так выгоднее" [17]. Согласно Индикаторам инновационной деятельности, опубликованным Высшей школой экономики и Госкомстатом, «даже те предприятия, которые причисляются к инновационно активным, сокращают долю "принципиально новой и усовершенствованной продукции" в общем объёме производства. В целом по промышленности её доля сократилась с 9.2% в 2000 г. до 8% в 2002 г.», а инновационная часть промышленного экспорта стабильно сокращается - с 10.4% в 2000 г. до 7.7% в 2002 г. [19]. Источником отмечается, что в 2005 г. для России "доля высокотехнологичной продукции в экспорте не превышает 4—5%, в то время как для Китая этот показатель составляет около 23%, Южной Кореи - 38%, Венгрии - 25%" [16]. В России в 2002 г. было около 10% инновационно активных предприятий, в то время как в Европейском Союзе - 50%, в США - 70%. "Доля России в мировой торговле гражданскими наукоёмкими продуктами оценивается только около 0.5%, а экспорт технологий из России в десятки раз меньше, чем из такой маленькой страны, как Австрия" [20]. При распределении ответственности в таком положении дел представляет интерес точка зрения Е. Ананькиной, директора московского офиса аналитической компании Standard & Poor's, согласно которой "в России судьба компании сейчас зависит не от институтов с чётко прописанными целями и задачами, а от человеческих взаимоотношений, которые невозможно адекватно оценить и которые к тому же меняются" [21].

Представляется, что в сложившейся ситуации не следует полагаться лишь на создание технологических коридоров, особого механизма передачи знаний из науки в промышленность, системы, которая позволит осуществлять трансферт этих знаний в экономику и т.д. Отсутствие движения в промышленности - основная причина недооценки инноваций. Инновации - это не только необходимость. По крайней мере два фактора претендуют на роль инновационно мотивирующей доминанты в контексте движения к обществу знаний. Во-первых, это "умный предприниматель", стремящийся в условиях конкурентной неопределённости улучшить выпускаемый продукт; а во-вторых,

это фактор новой культуры знаний, эстетический аспект которого - выпускать продукцию, соразмерную пониманию "красоты" в этой культуре.

Консервация знанияемого продукта — другой аспект технологической изоляции экономики знаний. Это внутренний процесс, происходящий на этапах создания нового знания и индуцированный способами функционирования системы заказов, идущих от посредников и конечных потребителей в технологических цепочках действующей экономики. Обыденная форма консервации знанияемого продукта - это архивирование его в бумажных отчётах. Примеры такой консервации: экономичные полимерные мембраны для обессоливания воды, которые разработаны в Институте высокомолекулярных соединений РАН, но существуют только в виде модельных конструкций и не реализованы даже в пилотном устройстве; плазмохимическая установка для уничтожения отходов создана в Институте проблем электрофизики РАН, но не нашла потребителей в России [17]; опытный образец принципиально нового прибора, позволяющего за несколько секунд распознавать на расстоянии химические и взрывчатые вещества, который изобретён и изготовлен инженерами Завода им. Козицкого, но завод не имеет средств на дальнейшие работы по проекту [22]; таблетированный аналог инсулина, успешно прошедший первичные клинические испытания, но так и не вышедший в массовое производство. Апофеозом может служить пример, приведённый директором Института медико-биологических проблем РАН А.И. Григорьевым. В нашей стране около 700 тысяч больных церебральным параличом, которым (особенно детям!) мог бы помочь костюм "Пингвин", созданный для тренировки мышечной системы космонавта в невесомости. Костюм помогает взрослым больным также при реабилитации после инсульта и ряда заболеваний нервной системы. И это не единственная новинка института двойного назначения, обладающая высоким потребительским спросом в здравоохранении. Однако, как отмечает академик А.И. Григорьев, "никто не берётся освоить серийный выпуск новинок... Между тем в нашей стране уровень смертности превышает рождаемость более чем на миллион человек в год" [23].

В 2005 г. в России в хозяйственный оборот было включено менее 1% результатов научно-технической деятельности, в то время как в США и Великобритании - 70%. Одним из механизмов, способных стимулировать процесс расконсервации знанияемого продукта, является передача прав на интеллектуальную госсобственность её разработчикам. Такой механизм, например, был закреплён в 1980 г. в США законом Бая-Доула. "До принятия закона американское правительство финансировало 60% академических исследований и владело 28 тыс. патентов, но лишь 4% из

них были запущены в производство. Закон же привёл к тому, что через два-три года на базе университетов было создано более 2 тысяч компаний (260 тыс. рабочих мест) по коммерциализации технологий, а американский бюджет стал ежегодно получать 40-50 млрд. долл. за счёт оборота интеллектуальной собственности" [24]. Конечно, этот пример может впечатлить, если закрыть глаза на разницу потенциала потребления инноваций разных экономик, на ту причину, которая была указана выше в качестве фундаментального фактора элиминирования инноваций. Пока же, по сведениям А. Яновского, координатора российской сети трансфера технологий, предложений разработчиков интеллектуального продукта в 20-30 раз больше, чем запросов, в то время как в европейских сетях это соотношение составляет 4 : 1 [25].

Организация по экономическому сотрудничеству и развитию полагает, что "русская инновационная система ... не является полностью функционирующей из-за структурных дисбалансов, недостатка стимулов и неблагоприятных рыночных условий". В частности отмечается, что российские университеты остаются "второстепенными участниками исследований и разработок" [20]. А. Кобзев, ректор Томского университета систем управления и радиоэлектроники, считает необходимым радикально пересмотреть роль университетов в формировании нового бизнес-общества. В его университете учебно-научно-инновационный комплекс объединяет 25 наукоёмких предприятий, межвузовский студенческий бизнес-инкубатор, студенческое конструкторское бюро и школу инновационного менеджмента. Учебно-научная инновационная среда университета структурирована таким образом, чтобы обеспечить разделение и преемственность этапов технологического процесса овладения знаниями и их производства, а также разделение труда в технологических цепочках, ведущих от рождения знанияемого продукта до его материализации в экономически востребованных формах.

О степени консервации интеллектуального продукта на начальных стадиях технологического цикла в экономике нашего общества можно судить по пропорциям между нематериальными и материальными активами в компаниях с высокой добавленной стоимостью в продукции. По сведениям, которые приводит Б. Симонов, глава патентного ведомства, в западных компаниях такие пропорции составляют "70 к 30, в худшем случае - 60 к 40, а у нас 1 к 99", что, в частности, демонстрирует остроту проблемы перевода интеллектуальной собственности из понятия юридического в категорию экономическую. Президент АФК "Система" - корпорации, которую можно отнести в нашей стране к небольшому числу инновационно активных предприятий, Е. Новицкий, говоря о бурном десятилетнем росте своего бизне-

са, признаёт, что в бюджете компании затраты на исследования и разработки составляют не более 10% от её выручки, а инновационные продукты в продажах компании только планируются [19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Eurobarometer - Europeans, science and technology. EUR 20181. European Commission // Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2002.
2. *Некипелова Е.Е., Леденёва Л.И.* Охота на умы: проигранный раунд // Поиск. 2003. № 46.
3. *Колесова О.* Поколение в сомнениях // Поиск. 2004. № 19.
4. *Коньгина Н.* Российский студент обеспечен, аполитичен и хочет учиться // Известия. 2004. 24 января.
5. Положение молодёжи и реализация государственной молодёжной политики в Российской Федерации: 2002 год. М.: Логос, 2003.
6. *Дёжина И.* Грантов много - денег мало. Как удержать в науке молодёжь? // Поиск. 2003. № 6.
7. *Булгакова Н.* Трудновато однако. Что делать - ясно. Осталось понять как // Поиск. 2005. № 43.
8. *Ковалёва Г.* Собирать детей в элитных школах опасно // Известия. 2004. № 160.
9. *Амелькина А.* Родители боятся школ, где учатся "блатные" дети // Известия. 2004. № 160.
10. *Понарина Е.* Без лишних деклараций // Поиск. 2005. № 1.
11. *Кравченко Е., Коломейская И.* Российские студенты выбирают Лондон // Известия. 2004. № 173.
12. *Кьеркегор С.* Понятие страха / Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993.
13. *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, Университетская книга, 1999.
14. *Шаталова Н.* Каким ты был, таким и остался. Насколько сильно изменилось наше общество за последние годы // Поиск. 2004. № 52.
15. *Соснов А.* Путь инноваций: без овец // Поиск. 2002. № 50.
16. *Сверху вниз.* Правительство // Поиск. 2005. № 41.
17. *Стрельникова Л.* Наши высокие технологии нужны только за границей // Известия. 2004. 19 июня.
18. *Смирнов К., Петухов С.* Михаил Фрадков предложил академикам жить по средствам // Коммерсантъ. 2004. № 88.
19. *Шаповалов А.* В России всё меньше нового // Коммерсантъ. 2004. № 104.
20. *Беляева С.* Спасибо за готовность. ОЭСР нашла в России инновации. Но мало... // Поиск. 2005. № 1.
21. *Саплинова М.* В России судьба компаний зависит от человеческих отношений // Коммерсантъ. 2004. № 195.
22. *Шевчук М.* Сергей Миронов отчитался о неудачах правительства // Коммерсантъ. 2005. № 18.
23. *Дризе Ю.* Пингвин никак не приземлится. Космические новинки легко адаптировать к нуждам землян, но сделать это некому // Поиск. 2005. № 5.
24. *Шаповалов А.* Депутаты продают интеллектуальную собственность // Коммерсантъ. 2005. № 130П.
25. *Моргунова Е.* Точность - вежливость? // Поиск. 2005. № 23.